

Константин Сергиенко

Кеес

АДМИРАЛ ТЮЛЬПАНОВ

Опасные и забавные приключения
юного лейденца, а также его друзей,
рассказанные им самим
без хвастовства и утайки

Иллюстрации В. Челака

Москва
«Лабиринт Пресс»
2019

Гуден даг — здравствуйте!

*Тирли-тарли-тирилет,
начинать мне или нет?*

Отец мне всегда говорил: «Поменьше болтай, сразу приступай к делу». Но тут уж такая длинная история, что заранее пересыхает в горле.

*Подождите, отдохну,
а потом уже начну.*

Это уже мать говорила: «Если коленки дрожат, лучше присядь да соберись с духом».

*Ну так вот, один чудак
написал вам кое-как
про своё житьё-бытьё,
и не только про своё.
Почитайте, полистайте,
за окошко не бросайте.
Лари-дари-ларидас,
Начинается рассказ!*

А ещё мне говорили так: «Если уж рот раскрыл, то сначала поздоровайся». Так я и сделаю.

Здравствуйте все, кому не лень читать книжки! А кому лень — тоже здравствуйте, потому что, хоть вы и заснули на первой странице, я всё равно вам приснюсь и так ущипну, что вы подскочите до потолка и закричите «мама!».

Так что не будем тянуть время, давайте знакомиться. Я Кеес Адмирал Тюльпанов, и вы обо мне слышали. А если не слышали, значит, уши у вас заложило, когда дул ветер с моря.

А может, Як Фрост, январский морозец, забрался к вам в нос и вы так расчихались, что не услышите даже пушку? А может, вас кто-нибудь вывалял в снегу и вы простудились? Или провалились в прорубь, когда катались на коньках? Во всяком случае, не надо лить слёзы, как девчонка. Я тоже проваливался, а толстый Михиелькин даже два раза, потому что он очень тяжёлый.

А вы любите кататься на коньках? Есть быстрые конёчки фрисландские, прямые, с носами, похожими на голубиный клюв, а есть вёрткие конёчки голландские, загнутые, как поросычий хвостик. Есть деревянные и железные, есть даже из рыбьей кости, а говорят, бывают серебряные с золотыми пряжками.

Так любите вы кататься на коньках? У нас в Голландии все катаются. Выйдешь из дома, и прямо перед тобой лёд — это канал замёрз. Можешь ехать куда захочешь, потому что на другой улице тоже канал или канавка. Не знаю, как у вас, а в наших краях любой малыш сначала встаёт на коньки, а потом уж на ноги. Даже поговорка есть такая.

Так вы говорите, что обо мне не слышали? Продуйте уши. Повторяю, я Кеес Адмирал Тюльпанов, и не про коньки вам тут собрался рассказывать. Потому что если бы в коньках дело, не стал бы я разговаривать. Становитесь рядом, и бежим до той мельницы — кто первый. Думаю, пришлось бы вам туго.

Так что с коньками всё ясно.

Ещё могу с вами поплавать наперегонки или побороться. Посмотрим, чего вы стоите. Можно бросать ракушки — кто дальше или погонять мячик из старой тряпки. А могу сочинить про вас песенку, так что будете хохотать до упаду или, наоборот, надуетесь, это кому как нравится.

Люблю сочинять разные песенки. Про многих я сочинил и даже чуть не пострадал, когда за мной погнался испанский солдат. Он просто посинел от злости, когда я спел:

*А где твой Филипп —
испанский король?
Бим-бам, траля-ля-ля!
Штаны его съела моль,
а крысы съедят короля!*

Сначала он кинул в меня пивной кружкой, а потом вскочил, чтобы догнать, но сразу растянулся, потому что я связал его шнурки, когда собирал под столом кости для собаки. Ха-ха! Разве я стал бы петь просто так? Плохо вы меня знаете! Я и в мушкет* ему насыпал песку, это на тот случай, если захочется пострелять.

Просто удивительно, что вы обо мне не слышали. Я понимаю ещё взрослых, у которых своих дел по горло. Какой-нибудь трактирщик с брюхом на

---

* Мушкет — старинное ручное огнестрельное оружие.

две рубахи или тощий монах, которого моль съела. Но нам-то с вами всего второй десяток и в ушах ещё не набилась солома!

А может, вы вообще ничего не слышали, какие тут дела творятся в нашей стране? Как испанцы грозились сжечь Нидерланды, а нас всех отправить на небеса за то, что мы не хотим подчиняться ни их королю, ни их вере?

Многих они убили, сожгли и повесили. У нас в Лейдене столько я видел костров, что уже издали по запаху различал, что жгут человека. А в Хаарлеме, где жил мой дядя Гейберт, всех перерезали, даже вода в каналах стала красной от крови.

И вот мы восстали. Впереди всех были гёзы. Если вы не сильны в голландском, то я объясню. Гёзы — это значит оборванцы, так называли противников короля. Были среди них и бедные, и побогаче, но все ненавидели Филиппа и его инквизицию.

Отчаянные, скажу я вам, люди эти гёзы. Воют они и на суше, и на море. Нож в зубы — и вплавь за испанцем. Да здравствует гёз!

Мы гнали испанцев из всех провинций — Зеландии, Фландрии, Брабанта, Фрисландии, Голландии — Южной и Северной, чтоб все Нидерланды жили свободно. Но было это не просто. Они вернулись и осадили многие города. А наш Лейден пытались взять дважды. Но вы всё это, наверное, знаете? Зря я вам только рассказываю.

А если знаете, значит, и обо мне слышали. Потому что про меня даже в книге написано. Она у меня есть, эта книжка, в кожаном переплёте с медной застёжкой, которая блестит, как золото, если почистить мелом. Заглавие у неё длинное, даже не выговоришь, а написал её учёный-хронист господин Ян Фрейтерс.

Я вам сначала одно местечко прочитаю, вот тут в самом конце, где сказано про последний день осады:

«Когда 3 октября 1574 года занялся мглистый рассвет, и в Лейдене, и в войсках, шедших на помощь, воцарилось тревожное угрюмое ожидание. Осаждённые думали, что испанцы готовы к штурму через рухнувшую ночью стену. Шедшие на помощь были уверены, что испанцы уже взяли город, подтверждением тому в их глазах был ночной грохот и зиявший утром провал в стене. Внезапно увидели, как на бастионе форта Ламмен показался мальчик и, сняв шляпу, стал размахивать ею...»

Ага! Это и был я! Все меня видели, да не все знают, как было дело. Когда господин Фрейтерс приехал в Лейден собирать рассказы про осаду, сказали ему и про меня. Хорошо ещё, застал меня в городе, а то я уже собирался в Амстердам устраиваться юнгой на корабль. Поговорили мы с этим

хронистом. Особенно я не привирал и старался говорить правду, но он только чесал пером за ухом и бормотал:

— Уж больно ты хвастаешь, Кеес. Можно подумать, что ты один освободил Лейден.

Я ему сказал, что когда вру, мухи дохнут, а у него вон целых три на лысине и все живые. Но он и тогда не поверил, а когда написал свою книгу, оказалось, что в ней про меня всего несколько строчек.

До чего же чудные эти хронисты! Про какого-нибудь маршала или графа напишут разные небылицы, а простому человеку лишней буковки жалко. Нам же, мальчишкам, совсем не верят!

Вот я и решил рассказать кое-что из того, чему не поверил господин Ян Фрейтерс. Пусть он, как раньше, чешет за ухом. Вы-то лучше меня поймете. Тридцать три якоря в бок, если что-нибудь совру! Ну если только самую чуточку... Знаете, ведь иногда язык просто сам собой начинает загибаться не в ту сторону. Но обещаю: если замечу за собой, обязательно сам поправлюсь. Но в общем-то вся эта история — чистая правда.

Я Кеес Схаак из Лейдена, с улицы Солнечная Сторона. Кеес Адмирал Тюльпанов. Я много вам расскажу, грустного и весёлого. Слушайте да не засыпайте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

Знаменитый горбун Караколь

В шестом часу утра я был уже на ногах. Подмёл у дома, пучок соломы, потерянный на дороге, отнёс на кухню, зимой пригодится.

Погрелся на солнышке, съел чёрствый роггерброд, большой кусок ржаного хлеба, и побежал к Михиелькину.

Сегодня воскресенье, значит, не надо идти к Слимброку, не надо весь день щипать овечьи шкуры. Правда, и есть будет нечего. Слимброк даёт за работу один роггерброд и кусок вяленой рыбы. Ну ничего, есть у меня ещё ячменный сухарь и кувшин отличной воды из городского колодца.

Зато воскресенье, и солнышко светит, как по заказу.

А Михиелькин, наверное, спит. Любит поспать Михиелькин. Неделю назад, в праздник росы*, когда проспавших восход стегали зелёными ветками, здорово ему досталось.

— Вставай, Михиелькин! Вставай, соня! — закричал я. — Идут тебя бить дубовыми палками!

Михиелькин поворочался, что-то свалил и забурчал:

— Кончились ваши дурацкие праздники. Дайте поспать.

— Вставай, Михиелькин! — закричал я. — Разве не знаешь, что на площадь приехал горбун с медведем и сейчас будет представление!

---

* Праздник росы (*голл. Dauwtrappen*) — Вознесение Господне. В Голландии в этот день вставали на заре и шли босиком по росе, приобретающей, согласно народным верованиям, целебные свойства.

— А? — сказал Михиелькин и зевнул. — Тогда ладно. Теперь я разбужу Боолкин.

Боолкин — сестра Михиелькина и любит поспать не меньше его.

И вот мы втроём бежим по улице.

На площади перед Питерскерком, собором святого Петра, стоит маленький жёлтый фургон, запряжённый собакой, такой огромной, лохматой, каких я не видел. Тут же сидит облезлый медведь и трёт себя лапой. Рядом расхаживает маленький человечек с горбом. На нём фиолетовые штаны и дурацкий колпак.

— Почтенные горожане! — кричит он писклявым голосом. — Ду-ду-ду! — Это он дует в дудку. — Храбрые жители славного Лейдена! Послушайте историю знаменитого горбуна Караколя из деревни Водрез возле Бинша!

— Это ты-то знаменитый? — спрашивают из толпы.

— А почему бы и нет? Конечно, я! Разве вы не слышали о городе Бинше?

— Это где-то во Фландрии.

— А раз вы слышали о городе Бинше, значит, слышали о Караколе — горбатым метельщике, который победил великана Голиафа и спас принцессу Эглантину!

— Так ты метельщик? — спрашивают из толпы. — Где же твои мётлы и веники?

— Да, я метельщик! — закричал горбун. — Я продавал веники и жил этим, пока не отправился путешествовать. Но дело не в этом! Я победил самого Голиафа. У него было восемь голов, неужели не слышали? Сначала я отрубил ему одну голову — рраз! Потом другую...

— Не знаем мы никаких великанов! — закричали в толпе. — Да ещё с головами!

— Да ну? — удивился горбун. — Я путешествовал целых два года. Я был в Зеландии, где воды больше, чем земли, и в Лимбурге, где, наоборот, горы. Я объездил Гельдерланд и Фрисландию. Я был в Гронингене и Дренте, не говоря уже о Фландрии, где родился. И везде есть великаны — правда, разные. Но вот я приезжаю в Южную Голландию, в славный город Лейден, победивший испанцев, и мне говорят, что не слышали о великанах. Разве они у вас не встречаются?

— Нет, не встречаются, — сказали в толпе. — В соседних провинциях, может, и есть, но к нам они не заходят. Может быть, Дирк Корнелисзон великан? Он ростом с полмачты. Или его дочка Роза? Она весит больше коровы, а её башмаки — как футляр от скрипки. Может, они великаны?

— А сколько у них голов? — спросил горбун Караколь.

— По одной голове у Дирка и Розы.

— Нет. — Караколь щёлкнул пальцами. — Это не великаны. У моего Голиафа было десять голов. Есть ещё великан Гайян. У него тоже одна голова, но он выше любой горы. А есть Каменный человек, его не пробивает пуля. Я говорю правду.

— Всякое бывает, — сказал кузнец Сметсе Смее.

— И старый Помпилиус может это подтвердить! — закричал Караколь. — Встань, славный медведь, подтверди мои слова!

Медведь встал, поклонился и приложил лапу к груди.

— Помпилиус никогда не врёт! — сказал Караколь. — Не пожалейте монету для старого Помпилиуса!

— Монету надо заработать, — сказали сзади, и я узнал голос Слимброка, моего хозяина.

Брр, я даже поёжился! До чего надоел мне этот Слимброк. Не отдохнёшь от него даже в воскресенье.

— За что же ему монету? — спросил Слимброк.

— За то, что он хорошо пляшет и говорит правду, — сказал Караколь.

Слимброк усмехнулся:

— Ну, пляшет — ещё куда ни шло. А уж с правдой совсем плохо. Какая же правда, если ты врешь, а он подтверждает?

— Что-о? — У Караколя даже глаза округлились. — Я вру?

— Вот-вот, — сказал Слимброк. — Сначала сказал, что у твоего Голиафа было восемь голов, а потом — десять. Так сколько у него было голов? Может, одна?

Караколь обиделся. Во всяком случае, у него был такой вид. Он даже руки заложил за спину и выставил ногу в фиолетовом чулке. Он сложил губы трубочкой и гордо сказал:

— Сколько ни было, все мои.

— Шулер ты, — сказал Слимброк. — Не было никакого Голиафа, я-то уж знаю.

Караколь совсем обиделся. Он подошёл к Слимброку и, глядя на него снизу вверх, спросил:

— А ты всё знаешь, почтенный горожанин?

— Да уж побольше тебя, — ответил Слимброк.

— Тогда скажи мне, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трёх часах ходьбы от твоего дома?

Слимброк даже поперхнулся:

— В деревне Лиссе? — Мне показалось, что он растерялся. — В деревне Лиссе? — Глаза его остановились на девочке в розовом платье. — Что это на ней за платье?

— Какое платье? — Караколь удивился.

— Это платье моей дочери! — закричал Слимброк. — Они его украли!

— Побойся бога, — сказал Караколь. — Это платье я купил ещё два года назад в Эйдаме.

— Воры! — кричал Слимброк. — Воры! Украли платье!

Девочка убежала за фургон, а Слимброк схватил Караколя за пояс. Но в это время большая собака рванулась вместе с фургоном и с рыком ударила грудью. Слимброк взмахнул руками и полетел прямо в канаву.

— На помощь! — закричал он. — Эй, ребята!

По мосту бежали с палками его работники.

— Смывались бы вы отсюда, — сказал Сметсе Смее. — Не могу за вас заступиться, потому что должен Слимброку десять флоринов*.

— Ещё два года назад, в Эйдаме... — бормотал Караколь, бегая вокруг фургона. — Такое старенькое...

— Ему от жадности померещилось, — сказал Сметсе Смее.

— Лучше бегите, — сказали в толпе. — Работники у него крепкие.

— Куда же бежать? — спросил испуганный Караколь. Девочка стояла у фургона, и по щекам катились слёзы. Тогда я решился:

— Бегите за мной, я покажу, где спрятаться.

— Бегите за нами, — сказали Боолкин и Михиелькин.

Пока Слимброк вылезал из канавы, мы уже мчались по переулку. Обогнули церковь святой Марии, сделали зигзаг и выскочили на Господскую улицу. Пыхтел медведь Помпилиус, скрипели колёса, собака бежала, высунув язык, а девочка в розовом платье держалась за край повозки, так и не выпуская из рук барабана.

— Я мог бы не удирать, — ворчал на ходу Караколь. — Помпилиус умеет постоять за друзей. Но что будет со мной, если он прихлопнет

---

* Флорин — золотая монета, то же, что и гульден.

доброе горожанина, как муху?

По переулку мы бежали на Новую улицу, повернули, и вот мы уже на улице Солнечная Сторона.

— Это мой дом, — сказал я. — Въезжайте во двор.

— А что скажут твои родители, добрый мальчик? Мне и заплатить-то им будет нечем.

— Нет у меня родителей, — сказал я.

Кто отдыхает в деревне Лиссе

Да, вот такая история. Живу я один с самой зимы. Отец мой исчез три года назад. Мне шёл десятый год. Наверное, он утонул. Случилось тогда страшное наводнение. Дул сильный зюйд-вест. Море вспучилось и пошло на землю. Лопнули все плотины, хоть и держались на дубовых сваях, железных цепях и больших камнях. Только последняя, которую вода никогда не трогала, выстояла, а то бы совсем конец. «Соня» зовут эту плотину. Но «Соня» не проспала свой час.

Я кое-что помню. Сидим мы с матерью на какой-то крыше. Держимся за флюгер. Вокруг одно море. Торчат только трубы, шпицы соборов да кой-какие деревья. И в этом море пропал мой отец. Поплыл на лодке подбирать живых и не вернулся.

Говорят, снесло целые деревни. Они оказывались в другом месте, за много километров. Холодный был месяц ноябрь, волчий месяц.

Погибло сто тысяч народу. И среди всех мой отец, корабельный плотник Питер Схаак из Лейдена, с улицы Солнечная Сторона.

Собрала моя мать все инструменты, положила в ящик. Сказала, что пождут меня. Что срублю я такой корабль, какого не успел отец.

Продали мы дом, хороший дом под черепичной крышей, и переехали в другой, под деревянной, на той же улице.

Когда в городе появился Слимброк, мать стала работать на него, щипала шерсть с овечьих и бараньих шкур. Слимброк разбогател сразу, потому что знал секрет голубой краски. До этого в городе не было голубого сукна. Стал и я помогать матери. Слимброк платил нам два штивера* в день, на это не очень-то разживёшься.

---

* Штивер, или стювер — голландская серебряная (или медная) монета, равная 1/20 гульдена.

А осенью пришли испанцы. Они потребовали, чтобы Лейден сдался на милость короля Филиппа. Знаем мы эту милость. Вот так же они обещали милость Хаарлему и Наардену, а потом никого не оставили там в живых. Мы ответили испанцам пушками.

Четыре месяца они стояли у наших стен, но только прибавили своих могил вокруг города. Были и у нас убитые, а мать моя умерла от простуды и плохой пищи, когда уже пригревало солнце. Видел ещё я свою тётку Марию. После осады Хаарлема она пришла рассказать, как убили дядю Гейберта. Тётка собиралась устроиться в деревушке Кронестей, что против Коровьих ворот, но после зимней осады тоже куда-то исчезла, может, убили и её.

Так я остался один — ни матери, ни отца, ни родственников. Да и вокруг мало радости. Покажите мне дом, где семья в сборе. Кто пропал в наводнение, кого сожгли на площади, кто погиб в сражении, а кто умер дома от голода. Совсем невесёлые времена.

Испанцев мы отогнали и думали, что пора налаживать жизнь: делать наше доброе лейденское сукно, варить крепкое пиво, продавать острый сыр с тмином, не вспоминать ни Филиппа, ни саму Испанию.

Слимброк теперь не давал мне денег, а только хлеб и рыбу. Целый апрель налаживал я хозяйство. Правда, Боолкин и Михиелькин мне помогали. Отца у них тоже ведь не было. Я вычистил двор и собрал на зиму коряги и щепки. Михиелькин принёс большой кусок торфа, можно согреть в котелке воду.

В общем, не очень я унывал, хоть иногда и плакал в пустом доме. Но об этом никто не знает. И Караколь, которому я всё рассказал, тоже не знает про мои слёзы.

И вот мы сидим в нашем маленьком садике позади дома.

Караколь встал и громко сказал:

— Корнелис Схаак!

Я тоже встал.

— Корнелис Схаак! — сказал Караколь и так хлопнул меня по плечу, что я опять чуть не сел. — Корнелис Схаак, ты настоящий мужчина!.. Знакомься, Кеес. Это Помпилиус, ты уже знаешь. Родом из лесов Мюнстерланда.

Помпилиус ворчал и ловил на носу муху.

— А это Пьер из далёкого монастыря Сен-Бернар. Нет собаки, которая его одолеет, а может, он побьёт и кабана. Пьер, поздоровайся с Кеесом и его друзьями.

Пьер дал мне огромную лапу и осмотрел с ног до головы, как будто прикидывал, стоит ли со мной дружить. Нет, такой собаки я точно никогда не видел. Боолкин и Михиелькин тоже поздоровались с Пьером.

— А это наша барабанщица Эле, славная девочка, которую мы встретили у города Эйдама.

— Здравствуйте, фрэле*, — сказал я девочке. Она покраснела и что-то прошептала.

— Эле говорит, что она не фрэле, — сказал Караколь. — Ты делаешь ей честь, считая, что она из богатой семьи. Но ты ошибаешься, дорогой Кеес. — Тут он понизил голос: — Её родители значительно выше по происхождению, чем ты думаешь. Значительно выше! — повторил он важно и поднял палец. — Может, ты думаешь, что она дочь барона или графа? — Караколь выставил ногу, как на площади, и стал размахивать руками. — Или какого-то принца, может быть, даже короля, владеющего целыми землями? Фи! Значительно выше, значительно!

Щёки у Караколя порозовели, глаза прямо сверкали. А я думал: кто же бывает выше короля? Может быть, император или китайский богдыхан?

Девочка Эле стояла с опущенной головой. Она откинула рукой светлые волосы и закусила губу. Ничего себе девочка. На соседней улице живёт Таннекен, которой я подарил ракушку, но с Эле её не сравнишь. Так и хочется дёрнуть за волосы или подставить ножку. Когда я вижу такую девочку, у меня просто какой-то зуд начинается, и я способен на всякие проделки.

Но у неё, оказывается, богатые родители. Не очень-то, значит, дёрнешь за волосы.

Один раз я подшутил над Трейте, дочкой лавочника, сунул ей за пазуху живую лягушку. Так после этого Флипке, хозяйский приказчик, три дня дёргал меня за уши, чуть было не оторвал совсем.

А почему же эта богатая девочка ездит в старом фургоне? Почему у неё нет слуги, как у Трейте, а всего только старое розовое платье, даже без передника?

— Но это тайна! — шёпотом объявил Караколь. — Да, да! Не слишком-то я вам расскажу. И Эле вам не расскажет тоже, потому что умеет молчать, или, вернее сказать, не умеет разговаривать.

— Она немая? — спросил Михиелькин и шмыгнул носом.

— Девочка, может, немая, — сказала Боолкин.

— Те-те-те! — воскликнул Караколь. — Не такая уж и немая! Просто не хочет разговаривать по-нашенски.

— А как же ещё? — спросил Михиелькин.

— Ого! — сказал Караколь. — Вот тут-то и кроется тайна! Но, чувствую я, придётся мне рассказать. До чего любопытные ребята! Ну ладно, бимбамс! Вы, конечно, знаете про город Эйдам?

— Знаем, — сказал я. — Туда отец ходил на заработки.

---

* Фрэле — обращение к благородной незамужней даме.

— А что вы знаете про город Эйдам?

— Там вкусный сыр с красной коркой, — сказал Михиелькин.

Боолкин подумала и сказала:

— Там живёт человек с бородой до пола.

А я сказал, что там строят большие корабли.

— Всё это мелочи! — объявил Караколь. — Разве в Лейдене нет сыра? Пусть с жёлтой коркой. А человек с бородой — что за невидаль! Только мешается под ногами. Да и корабли, где их только не строят — и в Амстердаме, и в Гоорне, и в Зандаме. Нет, вы мне скажите такое, чего нет ни в одном городе!

— Там нашли русалку с хвостом, — сказал Михиелькин.

— Вот! То самое! А что вы знаете про эту русалку?

— Нашли, и всё, — сказала Боолкин.

— А что ещё?

Мы сказали, что больше не знаем.

Караколь сделал три шажка в одну сторону, три в другую и сообщил с таинственным видом, что расскажет подробности о русалке.

— Так вот... После весеннего наводнения, когда вода уже схлынула, на поле среди коров её и нашли. Привезли в город, собрался народ, стали судить да рядить. И вот что сказали эйдамцы: нет никаких русалок, пусть их выдумывают в Дренте и Гельдерланде. А здесь Голландия, страна плотин и мельниц, страна чёрных и белых коров, страна, сделанная нашими руками, поэтому не верим мы ни в какие чудеса... Они одели девочку в свою одежду, заставили её шить, прясть, сбивать масло, подметать пол — делать всё, что умеют голландские девочки. Эйдамцы неплохие люди, но они не верили в чудеса. И девочка стала шить, подметать, сбивать масло. Она всему научилась, но, увы, совсем не могла разговаривать по-голландски. Да, да! Чему-чему, а языку своему эйдамцы научить её не смогли... Заметьте, — Караколь посмотрел на Эле, — у неё были голубые глаза, золотые волосы и розовые щёчки.

— Это она? — шёпотом спросил Михиелькин.

— Кто? Эле? — Караколь приложил палец к губам. — Тсс... Голубые глаза, золотые волосы и розовые щёчки. Но та девочка жила давно, очень давно.

— И у неё нет хвоста, — пробормотал Михиелькин.

— Фи! Разве в хвосте дело? Хвост у русалки такая штука... как тебе сказать... отстегнул и выбросил. Важно другое: мы нашли Эле в том же месте, у Эйдама, после такого же наводнения, весеннего, и, что важнее всего — замечаете? — она ни слова, — Караколь понизил голос, — ни слова не говорит по-голландски.

Боолкин и Михиелькин во все глаза смотрели на Эле. А Караколь присел на корточки, лицо его стало совсем таинственным.

— Так кто же она, я вас спрашиваю, если не дочь Нептуна, повелителя всех морей? Или вы, как все голландцы, не верите в чудеса?

— Мы верим, — пролепетала Боолкин. — К нам весной прилетал тот же аист. Это хорошее чудо.

— Вот видите! — Караколь вскочил. — Тот же аист! А это та же, понимаете, почти та же морская девочка. Наверное, младшая её сестричка. И что вы думаете, я повёл её к добрым эйдамцам, чтобы они снова заставили её подметать, сбивать масло? Ну уж нет! Пусть живёт на свободе, пока море опять не придёт за ней, правильно я говорю?

Какая чудная девочка! Она не говорит по-голландски. Её нашли на берегу после наводнения. Откуда же она взялась? Может, и есть на свете русалки, тогда чем они отличаются от обыкновенных девочек? Можно ли их, например, пихнуть или, наоборот, подарить ракушку? Хотя зачем русалке ракушка — в море их полным-полно.

Эх, если бы рядом был отец! Он каждое лето работал на эйдамской верфи и всё знал про корабли, море, русалок и даже Нептуна.

— Да, да! — говорил Караколь. — Хорошо ещё, она не попала к такому человеку, как этот суконщик. С утра до вечера заставлял бы её работать. Чего это он вздумал отнять у нас платье? Я говорю, что купил его давным-давно, оно уже на тряпки годится. Даже испугал Эле. Эле, чего ты испугалась этого господина? — Караколь придавил кончик носа, вытаращил глаза и сразу стал похож на Слимброка.

Эле опустила голову и прошептала:

— Огневик.

— Огневик? Опять Огневик! Что за притча, уже не первый раз это слышу.

— Девочка совсем не немая, — сказала Боолкин.

— Ну это известно, — заметил Караколь. — Она и другие слова знает. Например, имя. Вы думаете, я сам его выдумал? Иногда даже песни поёт, только по-своему. В конце концов, должен быть у русалок свой язык?

Караколь наморщил лоб.

— А розовое платье... Зачем ему платье? Кажется, он просто не хотел услышать ответ на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Да я спросил, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трёх часах ходьбы от Лейдена.

— А кто там отдыхает?

— Да много людей, — сказал Караколь. — Много лошадей, повозок и пушек.

— А кто эти люди? Гёзы?
— Думаю, нет. Валлоны*, немцы, испанцы.
— Что? — Я даже подскочил. — Испанцы? А много там испанцев?
Караколь сложил губы трубочкой и подумал.
— Я думаю, тысяч десять, не меньше.
— А куда они, а куда... — дрожащим голосом начала Боолкин.
— Да в том и дело, что сюда, к Лейдену.
— Ай! — вскрикнул Михиелькин. — Ай!
— Ой! — завопили мы хором и выскочили на улицу. — Испанцы идут!
Испанцы! — кричали мы изо всех сил.

Подвал «Под семью замками»

В тот же день испанцы обложили город. Били колокола на соборах. Бежали испуганные горожане. Комендант скакал на блестящей от пота лошади и размахивал шпагой. К Бургундской башне тащили котёл, чтобы плавить свинец. У Коровьих ворот на костре кипела смола.

Все проклинали свою беспечность. С тех пор как ушли испанцы, никто и не думал о новой осаде. И вот они снова здесь.

Мы побежали на башню Хенгиста. В древние времена здесь был целый замок, а теперь осталась круглая зубчатая стена шагов двести в поперечнике. Наверху растут дубы и боярышник. Отсюда как на ладони видны окрестности. Над Лейдердорпом уже колыхался красно-жёлтый испанский флаг. Отряды солдат шли во всех направлениях.

Мы посмотрели в сторону моря: у Белых ворот строились осадные укрепления. Даже на северной стороне конный дозор гнался за какой-то повозкой.

— Конец, — сказал кто-то, опуская подзорную трубу. — Теперь и мышь не проскочит.

— Проклятье! — сказал кузнец Сметсе Смее. — Разве не я говорил, что с ними не кончено? Вы думали, если в город пришла рота гёзов, то Филипп помер от страха? Что теперь делать, растяпы? Где продовольствие? Где оружие?

— Оружие надо спросить у тебя, — сказал кошатник Гигеллер. — В моей кладовке только кошачьи хвосты.

---

* Валлоны — народ романского происхождения, населяющий юг Бельгии, север Франции.

— Клянусь Артевельде*, ты прав, Гигеллер! Нам остаётся воевать только кошачьими хвостами. В моей кузнице нет ни полоски железа. Одно название — кузнец-оружейник.

— Они не пойдут на приступ, — сказал кто-то.

— Тем хуже для нас! Через месяц будем обдирать кошек вместе с Гигеллером. Кто видел, чтоб нам привозили муку и рыбу?

— Никто, — ответили горожане.

Солдаты за городом не теряли времени. С повозок тащили камни, прутья и доски, мешки с песком. Народу на башне всё прибывало. Подзорную трубу передавали из рук в руки.

— Уже два десятка редутов**, — сказал кто-то.

— Их будет не меньше полсотни, — заметил Сметсе Смее. — Они возьмутся за дело живее, чем в прошлый раз. Смотрите, а это немецкие рейтары***!

Вдали рысью скакал отряд всадников в чёрном. Белые перья на их шлемах развевались.

— Плохо дело, — сказал Сметсе Смее. — Рейтары хорошо обучены. Трудновато будет на вылазках. Они стреляют в упор. У них такие большие тяжёлые пистолеты, не то что испанские хлопушки. Ох-хо-хо! Вот бы мне парочку пистолетов, да хороший мушкет, да прочный швейцарский кинжал — повоевал бы кузнец Сметсе Смее!

— Значит, это и есть Сметсе Смее? — спросил меня Караколь.

Он сидел между зубцами башни и раскачивал ногой.

— Досточтимый кузнец, — сказал Караколь, когда я позвал Сметсе Смее, — ты слышал когда-нибудь про Пауля Бейса?

— Кто же не слышал про Пауля Бейса? — сказал Сметсе Смее. — Это наш лейденский адвокат, враг короля и друг принца Вильгельма Оранского по прозвищу Молчаливый. А я, дружок, не только слышал, но и водил с ним знакомство. Бейс собирался отрастить живот вроде моего, а мы бы охотно приняли его в «Общество толстяков». Я ведь там председателем.

— Ну ясное дело, — сказал Караколь. — Ты и есть Сметсе Смее. Пауль Бейс просил передать тебе письмо, но я его съел.

Сметсе выпучил на него глаза.

---

* Артевельде, Якоб ван — фландрский купец-суконщик, житель Гента, возглавивший в XIV веке городское восстание против власти Франции.

** Редут — укрепление для круговой обороны, которое представляло собой каменный или земляной вал, окружённый рвом. Чаще всего редут имел четырёхугольную форму.

*** Рейтары — в Европе в XVI–XVII веках конные воины, вооружённые огнестрельным оружием.

— А ты что думал? — спросил Караколь. — Если хватает испанский патруль, куда исчезает письмо с печатью в виде нищенского колпака?

Сметсе удивился:

— Зачем такая печать? Это всё равно что идти по дороге и кричать: «Я гёз!» А что было в письме?

— Желудок у меня не просвечивает, — важно сказал Караколь. — Но Бейс просил передать на словах, если с письмом не выйдет.

— Что он просил?

— Всего три слова: «Под семью замками».

— Ого! — сказал Сметсе Сmee. — Понятно! А ну-ка за мной, ребята! Посмотрим, что приготовил нам этот умник Пауль Бейс.

Мы быстро пошли за Сметсе.

— Ну вот, — сказал Сметсе Сmee. — Здесь дом Пауля Бейса. А это подвал «Под семью замками». Давным-давно, когда дела ещё шли неплохо, я просил Бейса уступить мне этот подвальчик. Сделал бы в нём хорошую мастерскую. Но Бейс там держал какие-то вещи, а уезжая, сказал, что в подвале есть кое-что интересное и можно пустить это в дело. Так я понимаю, время пришло... Эглантина! — крикнул Сметсе Сmee. — Эй, Эглантина!

Тут Караколь подпрыгнул, как будто его укололи, и сделал шаг в сторону.

— Ты что? — сказал Сметсе Сmee. — Чего испугался? Эглантина — племянница Бейса, разве не знаешь? Славненькая такая девушка... Эглантина! — крикнул он снова. — Видно, нет её.

Караколь стоял какой-то растерянный и хлопал глазами.

— Ну ладно, — сказал Сметсе. — Кеес, махни через ограду. Увидишь старый цедильный камень, возьми под ним ключ. Думаю, он там и лежит. Эглантина в этом ничего не смыслит, а раз Пауль прислал гонца, мне и карты в руки.

Я нашёл ключ, Сметсе открыл, и мы оказались в просторном подвале со сводчатым потолком. Пыльный луч света падал сверху. В полутьме я сначала не разобрал, что навалено вдоль стен.

— Клянусь Артевельде, — Сметсе чуть не подпрыгнул на месте, — это оружие! Я так и думал! Уж больно он любил эти игрушки! И, бьюсь об заклад, это не ржавая гниль какого-нибудь подмастерья. Налетай, ребятки!

Ох, сколько здесь было оружия! Сначала мы просто остолбенели, а потом Михилькин заурчал и стал хватать что попало.

Вдоль стен рядами стояли тяжёлые мушкеты, красивые аркебузы*, похожие на длинные скрипки. На досках лежали пистолеты. Грудами стояли мечи и шпаги, секиры, копья и протазаны**. Тускло блестели доспехи и шлемы.

— Да, братцы, — возбуждённый Сметсе расхаживал по подвалу, — здесь хватит добра, чтобы увешать моих толстяков с ног до головы! Клянусь, ни одной шпаги не достанется хилой городской страже! Соберу отряд пузанов, и поглядим, чего стоят против нас тощие испанские монахи! А теперь выбирайте себе по одной штучке, пока я добрый, — сказал Сметсе Смее.

Михилькин сразу схватил саксонский кинжал. Очень ему понравилась эта занятная штука. Нажмёшь на кнопку, из клинка выскакивают ещё два и торчат в разные стороны, как трезубец. Михилькин щёлкал и смотрел, как из одного лезвия получаются три.

— Бери, бери, — разрешил Сметсе Смее. — Ты плотный парнишка. Вот подрастёшь, наберёшь весу, примем в «Общество толстяков».

А я присмотрел трёхствольный голландский пистолет. Небольшой и тяжёлый, он весь сверкал перламутром. Вот научусь его заряжать и буду палить по испанцам.

— А ты что же, приятель? — спросил Сметсе Смее.

---

* Аркебуза — фитильное дульнозарядное оружие.

** Протазан — колющее холодное оружие на древке, род копья.

